Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (22), 2023.

Обзор / Summary
УДК 82.09
ББК 83.3(2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-225-240
https://elibrary.ru/LVTUBD

© 2023. Виолетта Эвалльё
Государственный институт искусствознания,
Москва, Россия

Ф.М. Достоевский в зарубежных научных исследованиях XXI века

© 2023. Violetta D. Evallyo
State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fyodor Dostoevsky in 21st-Century Foreign Research

Информация об авторе: Виолетта Дмитриевна Эвалльё, кандидат культурологии, старший научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, 125009 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-4531-4922
E-mail: amaris_evally@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка обзора зарубежных монографий и коллективных трудов, работа над которыми велась в XXI веке, а также некоторых значимых переводов и переизданий. Данный обзор не может претендовать на то, чтобы создать исчерпывающую картину всех авторских концепций, но и на его основе можно сделать некоторые выводы. Во-первых, выявленные проблемы, находящиеся в центре внимания современных исследователей, во многом отличаются от тех, на которых фокусировалось внимание исследователей предшествующих десятилетий. И дело, видимо, в тех вопросах, которые волнуют разные поколения. В фокусе внимания ученых по-прежнему присутствуют онтологические проблемы, вечно волнующие человека — вопросы духовности, добра и зла, гуманизма и границ человеческого, однако все большую территорию занимают вопросы современности: нетерпимость, феминность, травма, девиантность, жестокость, нигилизм. В произведениях Достоевского исследователей притягивают пророческие мотивы последствий утраты духовности и этических основ — и возможные пути искупления.

Ключевые слова: исследователи творчества и биографии Ф.М. Достоевского в англоязычном мире, исследовательские стратегии XXI века, переводы трудов о Достоевском на английский язык.

Для цитирования: *Эвалльё В.Д.* Ф.М. Достоевский в зарубежных научных исследованиях XXI века // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 225–240. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-225-240

Information about the author: Violetta D. Evallyo, PhD in Culture Studies, Senior Researcher, Mass Media Arts Department, State Institute for Art Studies, Kozitsky Lane 5, 125009 Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-4531-4922
E-mail: amaris_evally@mail.ru

Abstract: This article attempts to provide an overview of foreign monographs and collective works that have been published in the 21st century, as well as some significant translations and reprints. This review cannot claim to provide an exhaustive overview of all authors' approaches, but some conclusions can be drawn from it anyway. Firstly, the identified problems which are in the focus of contemporary researchers differ in many respects from those which were the focus of attention of researchers in previous decades, and this seems to be due to the issues that concern different generations. The focus of scholars' attention is still on ontological problems, eternally troubling humans – questions of spirituality, good and evil, humanism and the limits of the mankind, however, more and more space is occupied by contemporary issues: intolerance, femininity, trauma, deviancy, cruelty, nihilism. In Dostoevsky's works, researchers are attracted by the prophetic motifs of the consequences of the loss of spirituality and ethical foundations – and possible ways of redemption.

Keywords: researchers of Dostoevsky's work and biography in the English-speaking world, 21st-century research strategies, translations of works on Dostoevsky into English.

For citation: Evallyo, V.D. "Fyodor Dostoevsky in 21st-Century Foreign Research." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (22), 2023, pp. 225–240. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-225-240

В настоящей статье предпринята попытка обзора зарубежных индивидуальных и коллективных трудов, работа над которыми велась в XXI веке, а также некоторых значимых переводов и переизданий. Панорама представленных авторских концепций широка: ученые обращают внимание на драматургические контрапункты поэтики Ф.М. Достоевского; на проблемы персонажей и на преодоление ими плоскости изображения в сторону обретения психологического объема характера; на этические и психические вопросы. В обширном корпусе работ прослеживается связь биографии писателя и драматургии его произведений и, в свою очередь, — их взаимосвязи с творчеством других писателей; фиксируются стилистические доминанты. Ученые уделяют особое внимание эстетическому мировоззрению Ф.М. Достоевского в контексте философских традиций — в обусловленности его платоновскими и кантовскими категориями, принципами экзистенциализма. Важное место в научных размышлениях занимают и попытки осмысления религиозного

мировоззрения Достоевского, императивов нигилизма, проблематики братства и единства.

В статье обозначены некоторые исследовательские стратегии, в границах которых (с определенной степенью условности этих границ) ученые предшествующих двух десятилетий изучали художественные миры и поэтику Достоевского.

Дж.У. Коннолли анализирует роман «Братья Карамазовы», пытаясь создать своего рода путеводитель по вселенной романа [Connolly, 2013].

Б. Льюис фокусируется на авторских вступлениях в произведениях писателя, делая вывод, что различными формами предисловий Достоевский подчеркивал важность деавтоматизированного восприятия, стремился расширить «пределы текста до самого процесса творения»[1] [Lewis, 2016, p. 169].

Б.Дж. Пэрис утверждает, что между риторикой автора и персонажами (подпольным человеком, Раскольниковым, Иваном и Алешей Карамазовыми) как воображаемыми людьми, чувства, поведение и идеи которых являются отражением их личности и опыта, существует напряженность, вследствие которой герои часто преодолевают иллюстративность своих ролей. В свете этого обобщения приведем цитату исследователя о персонажах «Преступления и наказания»: «Возможно, ключевым риторическим приемом в романе является использование Достоевским других персонажей в качестве орнамента (фона) Раскольникова и его [“как бы безгласных” – *В.Э.*] комментаторов. <...> Поскольку положительно представленные персонажи имеют тенденцию говорить одно и то же, они служат своего рода хором, который, кажется, призван влиять на то, как мы воспринимаем Раскольникова и судим о нем» [Paris, 2008, p. 58].

Ученые обращают внимание и на медицинские патологии героев писателя, и анализируют вопросы, основанные на юридических нюансах [Rosenshield, 2005], [Ronner, 2015]. Так, А. Шур в свою книгу «Возмездие за зло: Достоевский и наказание» включает источники из философии, криминологии, психологии и истории, чтобы доказать, что взгляды Достоевского на наказание были сформированы не только его христианской этикой, но и теорией и практикой наказания, актуальной для его современников [Schur, 2013].

---

[1] Здесь и далее перевод мой. — *В.Э.*

К.Дж. Бриггс фокусируется на женских портретах в контексте феминистических императивов [Briggs, 2010]. В продолжение темы женских образов с углублением в психологические и психические аспекты, обратим внимание на исследование Т.Г. Марулло «Абьюзинг: “Неточка Незванова” и поэтика созависимости», в котором, по мнению ученого, Достоевский заметил девиантные и деструктивные способы коммуникации между индивидуумами, местами и вещами, образами и идеями за полтора века до того, как эти проблемы стали центральными в вопросах психического здоровья. Т.Г. Марулло интерпретирует персонажей в контексте «хрестоматийной созависимости» и делает вывод, что «в своей взаимозависимости Неточка и три ее семьи сеют хаос в себе и других самоуничтожающимися способами. Они ищут общности в доминировании и контроле; они желают равенства как гении и боги. <…> Взывая к гармонии и миру, они раскалываются надвое; недовольные собой, они ищут двойников, которые возвращают их к тому самому бедствию, от которого они ищут спасения. Они никогда не учатся на своих ошибках; скорее, они пробуждают в себе пристрастия, которые позволяют им на мгновение жить в раю, но надолго в аду» [Marullo, 2015, p. 158]. Данное исследование Т.Г. Марулло интересно в том числе и поиском связи произведений писателя с реальными экзистенциальными проблемами человека, попытками заглушить беспокойство и пустоту. На природу и ценности человека, феномены рационального и иррационального разума обратили внимание и авторы коллективного исследования «Просвещение и границы разума: чтение Достоевского, Толстого и Набокова» [Roberts, Saeverot, 2017]. А. Вайман исследует препятствия для активной эмпатии в художественном мире Достоевского, рассматривает предел и крайность эмпатии, фокусируясь на проблеме несостоявшейся любви в «Идиоте» и «Записках из подполья» [Wyman, 2016].

Заслуживает внимания и опубликованное в 2021 году исследование «Грешник и святой: Достоевский и джентльмен-убийца, вдохновивший на создание шедевра», в котором К. Бирмингем анализирует архитектонику «Преступления и наказания»: «<…> история убийства соединяет сложность сознания со стенографической записью эмпирических фактов внешнего мира. Эту шаткую связь между незаконченным сознанием и установленными фактами мы видим в центральном сюжете романа: повествовании, где представления и теории, сны и галлюцинации просачиваются в уголовное

расследование» [Birmingham, 2021, p. 11]. А Дж. Гудвин в книге «Противостояние демонам Достоевского: анархизм и призрак Бакунина в России двадцатого века» исследует историю восприятия романа Достоевского «Бесы» в свете споров и разногласий по поводу взрывоопасного наследия Бакунина в России [Goodwin, 2010].

Обратим внимание и на корпус работ, в которых напрямую прослеживается связь биографии писателя и драматургии его произведений. В 2020 году переиздается серия работ выдающегося, ныне покойного, исследователя биографии и творчества Достоевского Дж. Франка с доминирующей биографической линией: «Достоевский: годы испытаний, 1850–1859» [Frank, 2020e], «Достоевский: движение освобождения, 1860–1865» [Frank, 2020d], «Достоевский: Чудесные годы, 1865–1871» [Frank, 2020b], «Мантия пророка, 1871–1881» [Frank, 2020a], «Семена восстания, 1821–1849» [Frank, 2020c]. Впрочем, и в заданных нами временных ограничениях немало работ, в основе которых лежит биографические подходы. В частности, в исследовании «Демократия Достоевского» Н. Руттенбург прослеживает последствия ссылки Федора Михайловича в Сибирь, отраженной в «Записках из мертвого дома», и представляет новое понимание эстетических и политических трансформаций мировоззрения писателя [Ruttenburg, 2008]. А в монографии «Достоевский. Автор как психоаналитик» Л. Бреже сочетает анализ «Преступления и наказания» и других романов с биографией писателя, выявляя переплетение художественных миров произведений с реальными историческими событиями [Breger, 2017].

В контексте исследовательских поисков поэтических доминант и *взаимосвязей произведений Ф.М. Достоевского с творчеством других писателей*, обратим внимание на ряд работ. Так, П. Кэй выявляет эстетические и культурные ценности английских писателей-модернистов по их литературным и критическим реакциям на идеи Достоевского, облачая свои выводы в своего рода метафору диалога-исповеди, беседы английских романистов с Достоевским [Kaye, 2006, p. 194]. М. Блоштейн утверждает, что, поскольку Достоевский был заинтересован в представлении индивидуального восприятия себя и мира, его фигура стала архетипической для Миллера и других писателей-членов кружка Вилла Сера, которые интересовались точными психологическими характеристиками и интригующими повествованиями и интерпретировали произведения Достоевского как контркультурное явление, преодолевшее

языковые и культурные границы [Bloshteyn, 2007, p. 185–186]. Сужая исследовательский фокус, отметим и работу М.Л. Сенедес, сфокусировавшейся на влиянии Толстого, Достоевского и Чехова на творчество франкоязычной писательницы русского происхождения Ирэн Немировски [Cenedese, 2021].

Особый интерес представляет исследование С.М. Владив-Гловер «Достоевский и реалисты: Диккенс, Флобер, Толстой», в котором автор выделяет стилистические доминанты и обосновывает принадлежность Достоевского к эстетическому вектору реализма [Vladiv-Glover, 2019, p. 15]. В продолжение данного ракурса отметим и работу «Роман в эпоху распада: Достоевский и проблема жанра в 1870-е годы» К. Холлад, в которой подробно обрисовываются усилия Достоевского по адаптации жанра к реалиям современности со всеми ее сдвигами при сохранении утопических идей мессианства России [Holland, 2021]. Путем буквального анализа П. Чиковацкий в монографии «Достоевский и утверждение жизни» реконструирует и исследует «эстетически» мотивированное жизнеутверждение Достоевского, основанное на циклах трансгрессии и восстановления; исследователь делает вывод, что «бескомпромиссный реализм Достоевского требует серьезного отношения к многочисленным примерам зла, не считая их вымышленными. Тем не менее Достоевский надеется передать посыл оптимизма: жизнь должна утверждаться даже перед лицом зла. Люди могут восстановить чувство принадлежности к этому миру; они могут восстановить чувство смысла жизни» [Cicovacki, 2012, p. 339].

Далее отметим исследования, в которых эстетическое мировоззрение писателя анализируется в *контексте философских традиций*, например, как концепция деонтологии в книге «Достоевский и Кант: диалоги об этике» Е. Черкасовой. Исследовательница делает вывод, что в контексте центральных кантовских категорий — чистого практического разума и категорического императива, герои Достоевского ограничены долгом, а «свобода, зло, искушение, страдание, общность указывают в направлении морального императива, черпающего свою жизненную силу из глубины человеческой природы и человеческого состояния. Превосходя мнимую объективность разума, императив сердца прямо отзывается на неудачи и триумфы человечества, страдания и радости» [Cherkasova, 2009, p. 102].

Ставя в центр исследования категорию порядка, Д. Агиомавритис сопоставляет позиции Достоевского и Платона,

делая вывод, что «важной особенностью изображения Платоном и Достоевским проблемы порядка является представление, что, будь то философы или софисты, святые или грешники — все люди участвуют в одной и той же драме существования, и независимо от того, насколько различны их роли, между людьми существует неоспоримая связь, которая и делает возможным диалог» [Agiomavritis, 2010, p. 248].

Дж. Кэрролл прослеживает анархо-психологическую критику модели *homo economicus*, всех идеологических императивов или абсолютной морали до ее истоков в девятнадцатом веке — к фигурам Штирнера, Ницше и ... Достоевского [Carroll, 2010].

Обратим внимание и на авторитетное исследование В. Кауфманна «Экзистенциализм: от Достоевского до Сартра», факт переиздания которого подчеркивает актуальность и достоверность выводов ученого, считавшего, что для Достоевского (равно как и для С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Ф. Кафки, Р.М. Рильке, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра) экзистенциальная картина мира человека несет на себе печать отчужденности, оторванности и абсурдности [Kaufmann, 2016].

Полагая Достоевского предшественником психоанализа, родоначальником экзистенциализма (равно как и религиозным традиционалистом, и мистиком-романтиком), Ю. Корриган в работе «Достоевский и загадка личности» интерпретирует художественные произведения как непрерывное поле эксперимента, на котором Достоевский исследует проблему самости через повторяющиеся символические и нарративные парадигмы и делает вывод, что художественные миры писателя населены носителями безымянных душевных ран, а путешествие внутрь себя оказывается «рискованным и часто разрушительным усилием, ведь, сталкиваясь с ландшафтом и обитателями бессознательного, человек также приближается к радикально дестабилизирующим силам, лежащим в основе внутренней жизни» [Corrigan, 2017, p. 142–143]. Заметим, что в роли предшественника экзистенциализма Ф.М. Достоевский фигурирует и в ряде научных статей [Statkiewicz, 2018], [Stewart, 2012].

Важное место в научных размышлениях занимают попытки осмысления *религиозного мировоззрения* Достоевского. Так, М.В. Джонс обращает внимание на ряд произведений — «Двойник», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы» — в контексте религиозного опыта

[Jones, 2005]. Г. Паттисон и Д.О. Томпсон сосредотачиваются на выявлении христианской традиции [Pattison, Thompson, 2001], Э.А. Блейк выявляет связи с католицизмом [Blake, 2014], В. Винокур обнаруживает следы иудаизма [Vinokur, 2009]. С. Кэссиди аргументирует отсутствие единых религиозных установок в творчестве Достоевского, в сочинениях которого «постоянное положение в континууме между противоположными идеальными полюсами указывает на то, что каждый из нас существует в необходимом отношении к метафизическому Абсолюту, точно так же, как для Гегеля каждое разумное существо существует в необходимом отношении к Абсолютному Духу» [Cassedy, 2005, p. 174]. К. Бланк в монографии «Диалектика Достоевского и проблема греха» также обращает внимание на философско-этические парадоксы поэтики писателя: добро, порождающее зло; прекрасные личности, приносящие горе; преступление, приносящее спасение. Исследовательница подчеркивает, что в то время как на протяжении веков западная теология и философия интерпретировали грехопадение как самое мрачное библейское событие, «неоправославный мыслитель, Достоевский представляет идею нечестивости мира не как проклятое и отчаянное состояние человека, подверженного болезни и смерти, а как диалектическое переживание вибрирующих противоположностей мира. В этом мире полярности перетекают друг в друга. <...> Произведения Достоевского подтверждают Благую Весть христианства — торжество света над тьмой. Эта христианская истина сосуществует и взаимодействует в его романах с другой, горькой, но тоже христианской истиной, согласно которой миру постоянно угрожают хаос и апокалипсис. Оба процесса происходят синхронно и непрерывно» [Blank, 2010, p. 122].

Стоит подчеркнуть, что за последующее десятилетие нам не удалость обнаружить обобщающих англоязычных работ о религиозных аспектах творчества Достоевского, подобных отмеченным выше. Тем не менее существует корпус исследований, авторы которых сузили научную проблематику до ярких этико-религиозных категорий. В частности, Дж.Ф. Десмонд на материале одиннадцати крупнейших произведений, исследует культурный этос самоубийства и его эволюцию [Desmond, 2019]. В призме религиозных убеждений писателя Р. Уильямс анализирует лабиринты речи, вымысла, метафоры и иконографии в четырех основных романах [Williams, 2011]. В это же время осуществляется новый перевод на

английский Р. Жирара, который в контексте концепции «миметического желания» интерпретирует преодолеваемую героями «Записок из подполья» духовность и приобретаемый взамен «просвещенный корыстный интерес». Исследователь подчеркивает, что «когда физическое насилие подавляется, как это обычно бывает в современной цивилизованной жизни, всякое несостоявшееся соперничество уходит в подполье и проявляется в виде “психопатологических симптомов”, тех самых симптомов, которые проявляют подпольные персонажи в шедеврах Достоевского. <...> человек уходит в “подполье” в результате неудовлетворенного миметического желания. Все подпольные люди тщательно скрывают свои подражания даже от самих себя, чтобы не давать своим моделям психической награды видеть себя подражаемыми, не унижать себя разоблачением подражателей. Достоевский придает слову подполье квазитехническое значение» [Girard, 2012, p. 77–78]. Несмотря на явный уклон исследования Р. Жирара в психологизм, мы не случайно поставили его в раздел анализа религиозных воззрений Ф.М. Достоевского. Утрата духовности, акцентирование психологизма подчеркивают слом экзистенциальных основ человеческого бытия в XIX веке. К слову, опираясь на понятие культурного «перекрестного давления» Чарльза Тейлора, Дж. Гивенс предпринял попытку обнаружить мотивы ускользания образа Христа в русской литературе в целом и в романах Достоевского, в частности: «Достоевский выступал против секуляристов не только по соображениям веры, но и потому, что не мог согласиться с ними в том, что совершенное общество может быть построено на основе разума, науки и эгалитарной мысли. <...> Достоевский как будто боялся, что серьезная, горячая защита Христа невозможна уже в век скептицизма, что оправдание Христа может быть успешным только в том случае, если оно будет как-то замаскировано, введено косвенно или замаскировано под что-то другое, такое как бунт против Бога или исповедание атеизма» [Givens, 2018, p. 5].

Далее следует упомянуть работу С. Макрейнольдс, в которой исследовательница связывает напряжение между гуманизмом и антисемитизмом, верой и сомнением Достоевского с его ориентацией на православие, забота о котором «не только заманила Достоевского в ловушку некоего постоянного духовного колебания, но и также способствовала возникновению антисемитизма в его последние годы — в качестве своего рода ответа или разрешения “пыточной ка-

меры сомнения и неверия"» [McReynolds, 2008, p. 6]. Исследование С. Макрейнольдс не случайно предваряет корпус работ, по большей части ориентированных на мировоззренческие аспекты творчества Достоевского. Ряд работ подчеркивает поиски писателем не столько заменяющих религию стратегий, сколько тех экзистенциальных этических доминант, которые с определенной степенью условности равно способствовали бы возвышению человеческой души.

В частности, ряд ученых обратили внимание на проблематику братства и единства. Б. Розамунд анализирует феномен «Дневника писателя» в атмосфере «загадочной русской души» [Rosamund, 2017].

С. Хадспит в монографии «Достоевский и идея "русскости": новый взгляд на единство и братство» [Hudspith, 2014] анализирует идею славянофильства, что в целом отвечает традиционным исследовательским позициям.

А. Берман рассматривает «братство» в буквальном смысле братско-сестринских отношений и показывает, как Толстой и Достоевский изображают их как стабилизирующую силу, противостоящую непредсказуемым, часто деструктивным элементам романтических запутанностей и иерархической структуры поколений. А. Берман подчеркивает, что братско-сестринские отношения в романах двух великих русских писателей не столько демонстрировали интерес к принятию духовного идеала всеобщего братства, но «братья и сестры — это один из человеческих узлов, вокруг которого они синтезировали свое отношение к духовной и материальной реальности» [Berman, 2015, p. 164].

Другим исследовательским ракурсом в рамках мировоззренческих доминант Достоевского отметим проблематику *нигилизма*. Наиболее разработанным представляется сравнение отношения к нигилистическим теориям в произведениях Достоевского и Ницше. Отметим работу П. Стеллино «Ницше и Достоевский: На грани нигилизма», в которой он проводит сравнительный анализ произведений с позиции данных Достоевским и Ницше ответов на вопрос «все ли дозволено, если Бога нет» [Stellino, 2015, p. 227]. П. Стеллино подчеркивает, что традиционные исследовательские прочтения трактуют произведения Достоевского как резкую критику мысли Ницше, однако, по мнению исследователя, идеи немецкого философа изрядно демонизированы, поскольку, «во-первых, в своем творчестве Ницше никогда прямо не утверждает максиму. Во-вторых,

посмертные фрагменты обнаруживают амбивалентное отношение к максиме: с одной стороны, Ницше как бы связывает максиму с экспериментальным характером своей философии, а с другой стороны, он интерпретирует максиму как признак дезориентации и путаницы или воспринимает ее как символ радикального фанатизма. Более того, он указывает и на ее парадоксальный характер» [Stellino, 2015, p. 226].

М. Степенберг сравнивает произведения Ницше и Достоевского по ключевым темам, таким как преступность, христианство, фигура «аутсайдера», выявляя резонанс современности и их совместной борьбы против нигилизма. В повсеместном распространении нигилизма — «безразличного агностицизма» [Stepenberg, 2019, p. 137] сегодня исследовательница видит охватившую мир болезнь, заразившую и политическую, и социальную, и технологическую сферы: «Нигилизм пронизал практически всю современную западную культуру в форме нарциссизма (“грязное служение себе”) и секуляризма (“постхристианская чувствительность и убежденность”)» [Stepenberg, 2019, p. 134].

М. Статкевич к фигурам Достоевского и Ницше добавляет Арто и исследует понятие культуры жестокости, постулируя, что каждый из упомянутых художников в своих произведениях противопоставил оптимизму Просвещения идею жестокости как лежащую в основе всей человеческой природы и культуры. Анализируя их произведения, М. Статкевич делает вывод, что «культура может охранять границы приличия, но может и угнетать, как идеология и пропаганда, порождать нигилизм. Нигилизм сам по себе может быть двусмысленным, обеспечивать культурный статус-кво, а также приводить к падению испорченной культуры. В этом случае нигилизм есть симптом вырождения культуры. Жестокость, являющаяся крайним отрицанием культуры, может также означать ее возрождение. На самом деле жестокость противостоит крайнему нигилизму, пассивному нигилизму в форме равнодушия. Жестокость в раскрытии своей порочной стороны проявляет вместе с тем и свою изначальную жизненность. Это заставляет нигилиста вглядеться глубоко в свои защитные барьеры и заглянуть за них. Очищение есть частный случай двусмысленности, оно может быть использовано как средство восстановления бинарных оппозиций и, как показали Достоевский, Ницше и Арто, — разрушения всех границ» [Statkiewicz, 2020, p. 91–92]. Тем самым можно говорить о широкой

интерпретации понятия «преступление» не только как проявления жестокости и черствости, но и как утраты этико-духовного ядра, в то время как суровость «наказания» тела может быть своего рода «умерщвлением плоти», способной обуздать деструктивные побуждения человеческого эго.

Рассмотрим работы, ориентированные на *междисциплинарный подход* к исследованию как фигуры писателя, так и его произведений. На стыке философии, этики, религиоведения отметим исследование «Вспоминая конец: Достоевский как пророк современности», в которой авторы интерпретируют интертекстуальность творчества писателя как пророческий характер его искусства: «Пророческое слово Достоевского, правильно понятое, сохраняет способность “жечь сердца” тех, кто его слышит. Но какова природа этой силы? Можно привести много примеров предвидения Достоевского в XX столетии: видения тирании, террора и широкомасштабных войн, переживаемых человеческими массами, широко распространенного отчуждения, а впоследствии и отчаянных поисков смысла индивидуумами» [Kroeker, Ward, 2001, p. 2].

Отметим и еще одно исследование, косвенно связанное с «пророческим» даром писателя. А. Берри, анализируя адаптации произведений Достоевского в визуальных искусствах предлагает: «Если и романы, и их транспозиции неизменно уходят корнями в предшествующие источники, их следует рассматривать как части продолжающегося процесса, а не как фиксированные, неизменные объекты» [Burry, 2011, p. 176]. Тем самым можно говорить о концепции укорененности поэтики Достоевского не только в историческом контексте прошлого, но и о бессмертии его философских идей и в настоящем, и в будущем.

В книге «Полифонический талант Достоевского» авторы освещают связь литературного искусства Достоевского с его философско-психологическим разнообразием, полифоническим писательским методом, включающим в себя и особую литературную технику, и своеобразный способ зондирования богословских, социальных и философских глубин [Dostoevsky’s Polyphonic Talent, 2005]. В частности, в предисловии ответственный редактор издания Дж.Э. Барнхарт уточняет полифонический контекст коллективной монографии: «<...> плюрализм голосов [персонажей — *В.Э.*] становится гениальным стремлением Достоевского к объективности, которая проявляется через критическую интерсубъективность. Не-

смотря на справедливое слушание, главные герои и их пристрастия не пользуются дипломатическим иммунитетом от досмотра. Идеи и убеждения сопровождаются [полифоническим — *В.Э.*] контрапунктом, что повышает объективность» [Barnhart, 2005, p. xi].

В коллективном труде «Достоевский в контексте» авторы расширяют научную проблематику, концептуально разделив издание на две обширные части. Первая включает в себя социальный, исторический, культурный, политический контексты; вторая освещает в историческом контексте литературу, публицистику и языки — как феномен миров, в которых жил Достоевский [Dostoevsky in Context, 2016]. Сборник очерков «Достоевский за Достоевским. Наука, религия, философия» фокусируется на писательской эстетике в контексте встречи с наукой (преимущественно дарвинизмом), с жизненной философией (смыслы жизни, мораль, вера, душа), с дихотомией «я и другой», с межкультурными связями [Dostoevsky beyond Dostoevsky, 2016].

Итак, мы обозначили некоторые исследовательские стратегии, в границах которых (с определенной степенью условности этих границ) ученые предшествующих двух десятилетий изучали художественные миры и поэтику Достоевского. Конечно, данный обзор не может дать исчерпывающую картину всех авторских концепций, но и на основе представленного анализа можно сделать некоторые выводы. Во-первых, обозначенные нами ракурсы во многом отличаются от тех, на которых фокусировалось внимание исследователей предшествующего столетия (в частности, М. Бахтина, Ю. Цивьяна, Д. Мережковского и др.). И дело, видимо, в тех вопросах, которые волнуют разные поколения. В фокусе внимания ученых по-прежнему присутствуют онтологические проблемы, вечно волнующие человека — вопросы духовности, добра и зла, гуманизма и границ человеческого, однако все большую территорию занимают вопросы современности: нетерпимость, феминность, травма, девиантность, жестокость, нигилизм. В произведениях Достоевского исследователей притягивают пророческие мотивы последствий утраты духовности и этических основ — и пути искупления.

References

1. Agiomavritis, Dionyssios. *The Politics of Tyranny and the Problem of Order: Plato and Dostoevsky's Resistance to the Pathology of Power*. Ottawa, Carleton University, ProQuest, 2010. 261 p. (In English) https://doi.org/10.22215/etd/2010-09530
2. Barnhart, Joe E. "Introduction. Hearing voices." Barnhart, Joe E., and Lanham, Boulder, eds. *Dostoevsky's Polyphonic Talent*. New York, Toronto, Oxford, University Press of America, 2005, pp. ix-xx. (In English)
3. Berman, Anna. *Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2015. 256 p. (In English)
4. Birmingham, Kevin. *The Sinner and the Saint: Dostoevsky and the Gentleman Murderer Who Inspired a Masterpiece*. London, Penguin Publishing Group, 2021. 429 p. (In English)
5. Blake, Elizabeth A. *Dostoevsky and the Catholic Underground*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2014. 312 p. (In English)
6. Blank, Ksana. *Dostoevsky's Dialectics and the Problem of Sin*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2010. 174 p. (In English)
7. Bloshteyn, Maria. *The Making of a Counter-Culture Icon: Henry Miller's Dostoevsky*. Toronto, University of Toronto Press, 2007. 240 p. (In English)
8. Breger, Louis. *Dostoevsky. Author as a Psychoanalyst*. New York, Routledge, 2017. 315 p. (In English)
9. Briggs, Katherine Jane. *How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis*. New York, Edwin Mellen Pr., 2010. 325 p. (In English)
10. Burry, Alexander. *Multi-Mediated Dostoevsky: Transposing Novels into Opera, Film, and Drama*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2011. 256 p. (In English)
11. Carroll, John. *Break-Out from the Crystal Palace: the Anarcho-Psychological Critique: Stirner, Nietzsche, Dostoevsky*. New York, Routledge, 2010. 296 p. (In English)
12. Cassedy, Steven. *Dostoevsky's Religion*. Stanford, California, Stanford University Press, 2005. 224 p. (In English)
13. Cenedese, Marta Laura. *Irène Némirovsky's Russian Influences: Tolstoy, Dostoevsky and Chekhov*. London, Palgrave Macmillan, 2021. 268 p. (In English)
14. Cherkasova, Evgenia. *Dostoevsky and Kant: Dialogues on Ethics*. Foreword by Kline, George L. Amsterdam — New York, NY, Rodopi, 2009. 148 p. (In English)
15. Cicovacki, Predrag. *Dostoevsky and the Affirmation of Life*. New York, Routledge, 2012. 366 p. (In English)
16. Connolly, Julian W. *Dostoevsky's The Brothers Karamazov*. London, Bloomsbury Academic, 2013. 160 p. (In English)
17. Corrigan, Yuri. *Dostoevsky and the Riddle of the Self*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2017. 248 p. (In English)
18. Desmond, John F. *Fyodor Dostoevsky, Walker Percy, and the Age of Suicide*. Washington, The Catholic University of America Press, 2019. 320 p. (In English)
19. Evdokimova, Svetlana, and Golstein, Vladimir, eds. *Dostoevsky beyond Dostoevsky. Science, Religion, Philosophy*. Brighton, Academic Studies Press, 2016. 424 p. (In English)
20. Martinsen, Deborah A., and Maiorova, Olga, eds. *Dostoevsky in Context*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 354 p. (In English)

21. Barnhart, Joe E., and Lanham, Boulder, eds. *Dostoevsky's Polyphonic Talent.* New York, Toronto, Oxford, University Press of America, 2005. 270 p. (In English)

22. Frank, Joseph. *Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2020. 784 p. (In English)

23. Frank, Joseph. *Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2020. 528 p. (In English)

24. Frank, Joseph. *Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821–1849.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2020. 424 p. (In English)

25. Frank, Joseph. *Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860–1865.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2020. 406 p. (In English)

26. Frank, Joseph. *Dostoevsky: The Years of Ordeal, 1850–1859.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2020. 315 p. (In English)

27. Girard, René. *Resurrection from the Underground: Feodor Dostoevsky*. Ed., Transl. by Williams, James G. East Lansing, Michigan, Michigan State University Press, 2012. 120 p. (In English)

28. Givens, John. *The Image of Christ in Russian Literature: Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, Pasternak*. Evanston, Illinois, Northern Illinois University Press, 2018. 284 p. (In English)

29. Goodwin, James. *Confronting Dostoevsky's Demons: Anarchism and the Specter of Bakunin in Twentieth-Century Russia*. Pieterlen, Bern, Peter Lang Publishing Inc., 2010. 251 p. (In English)

30. Holland, Kate. *The Novel in the Age of Disintegration: Dostoevsky and the Problem of Genre in the 1870s.* Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2021 (reprint 2013). 264 p. (In English)

31. Hudspith, Sarah. *Dostoevsky and the Idea of Russianess: A New Perspective on Unity and Brotherhood.* New York, Routledge, 2014. 240 p. (In English)

32. Jones, Malcolm V. *Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience.* Cambridge, New York, Anthem Press, 2005. 186 p. (In English)

33. Kaufmann, Walter. *Existentialism From Dostoevsky to Sartre*. Auckland, New Zealand, Pickle Partners Publishing, 2016. 292 p. (In English)

34. Kaye, Peter. *Dostoevsky and English Modernism 1900–1930.* Revised Edition. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2006. 260 p. (In English)

35. Kroeker, P. Travis, and Ward, Bruce K. *Remembering the End: Dostoevsky as Prophet to Modernity*. Boulder, Oxford, Westview Press, 2001. 295 p. (In English)

36. Lewis, Bagby. *First Words: on Dostoevsky's Introductions.* Academic Studies Press, 2016. 222 p. (In English)

37. Marullo, Thomas Gaiton. *Heroine Abuse: Dostoevsky's "Netochka Nezvanova" and the Poetics of Codependency*. Evanston, Illinois, Northern Illinois University Press, 2015. 213 p. (In English)

38. McReynolds, Susan. *Redemption and the Merchant God: Dostoevsky's Economy of Salvation and Antisemitism*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2008. 232 p. (In English)

39. Paris, Bernard J. *Dostoevsky's Greatest Characters: A New Approach to "Notes from the Underground", "Crime and Punishment", and "The Brothers Karamazov"*. London, Palgrave Macmillan, 2008. 253 p. (In English)

40. Pattison, George, and Thompson, Diane Oenning. *Dostoevsky and the Christian Tradition*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2001. 300 p. (In English)

41. Roberts, Peter, and Saeverot, Herner. *Education and the Limits of Reason: Reading Dostoevsky, Tolstoy and Nabokov*. New York, Routledge, 2017. 152 p. (In English)

42. Ronner, Amy D. *Dostoevsky and the Law*. Durham, North Carolina, Carolina Academic Press, 2015. 322 p. (In English)

43. Rosamund, Bartlett. *The Russian Soul: Selections from a Writer's Diary*. London, Notting Hill Editions, 2017. 124 p. (In English)

44. Rosenshield, Gary. *Western Law, Russian Justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law*. Madison, Wisconsin, University of Wisconsin Press, 2005. 320 p. (In English)

45. Ruttenburg, Nancy. *Dostoevsky's Democracy*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2008. 288 p. (In English)

46. Schur, Anna. *Wages of Evil: Dostoevsky and Punishment*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2013. 256 p. (In English)

47. Statkiewicz, Max. "'Feeling of Thought': Nietzsche's and Dostoevskii's Experience with Nihilism." *Russian Literature*, vol. 95, 2018, pp. 1–32. (In English) https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2018.01.001

48. Statkiewicz, Max. *Culture and Cruelty in Nietzsche, Dostoevsky, and Artaud*. London, Lexington Books, 2020. 137 p. (In English)

49. Stellino, Paolo. *Nietzsche and Dostoevsky: on the Verge of Nihilism*. Pieterlen, Bern, Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. 233 p. (In English)

50. Stepenberg, Maia. *Against Nihilism: Nietzsche Meets Dostoevsky*. Montreal; Chicago; London, Black Rose Books, 2019. 160 p. (In English)

51. Stewart, Jon. "Existentialism." *Encyclopedia of Applied Ethics*. 2nd Edition. Ed. by Chadwick, Ruth. London, New York, Academic Press, 2012, pp. 250–263. (In English) https://doi.org/10.1016/B978-0-12-373932-2.00202-7

52. Vinokur, Val. *The Trace of Judaism: Dostoevsky, Babel, Mandelstam, Levinas*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2009. 216 p. (In English)

53. Vladiv-Glover, Slobodanka M. *Dostoevsky and the Realists: Dickens, Flaubert, Tolstoy*. Pieterlen, Bern, Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2019. 221 p. (In English)

54. Williams, Rowan. *Dostoevsky: Language, Faith and Fiction*. Waco, Texas, Baylor University Press, 2011. 304 p. (In English)

55. Wyman, Alina. *The Gift of Active Empathy: Scheler, Bakhtin, and Dostoevsky*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2016. 338 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 01.04.2023
Одобрена после рецензирования: 14.04.2023
Принята к публикации: 15.04.2023
Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 01 Apr. 2023
Approved after reviewing: 14 Apr. 2023
Accepted for publication: 15 Apr. 2023
Date of publication: 25 Jun. 2023